

**МЕФДИЙ
БУСЛАЕВ**

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Маг полуночи

Свиток желаний

Третий всадник мрака

Билет на Лысую Гору

Мечь валькирий

Тайная магия Депресняка

Лёд и пламя Тартара

Первый эйдос

Светлые крылья для тёмного стража

Лестница в Эдем

Карта хаоса

Ожерелье дриады

Стеклянный страж

Танец меча

Огненные врата

Книга семи дорог

Ладья света

Ошибка грифона

Самый лучший враг

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ

ТАНЕЦ, МЕЧА

Москва
2018

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Серийное оформление *Владимира Безкровного*

Иллюстрация на обложке *Евы Елфимовой*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 Танец меча / Дмитрий Емец. — Москва : Эксмо, 2018. — 432 с. — (Мефодий Буслаев. Легендарное детское фэнтези).

ISBN 978-5-04-089945-6

В предстоящей схватке Мефа и Арея сюрпризов быть не должно. Лигул давно жаждет получить голову Буслаева и не собирается оставлять ему ни одного шанса на победу. А такой шанс есть. Если собрать вместе меч, щит и ножны Древнира, они способны удесятерить силу их обладателя. Поэтому Мрак хочет заполучить их во что бы то ни стало. Но об артефактах знает не только Тартар. Светлые тоже заняты поисками и уже нашли магический щит. Чтобы достать ножны, им нужно всего лишь... допросить короля джиннов, томящегося в кувшине тысячи лет и готового рассеять в прах любого, кого увидит первым.

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Емец Д., 2018
© Оформление.
ISBN 978-5-04-089945-6 ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Человек скреплен состраданием.
Как только сострадание исчезает — исчезает и человек.

Книга Света

Мы знаем, мы глубоко чувствуем, что там, в глубине детской души, есть много прекрасных струн, знаем, что в душе детской звучат мелодии — видим следы их на детском лице, как бы вдыхаем в себя благоуханье, исходящее от детской души, — но стоим перед всем этим с мучительным чувством закрытой и недоступной нам тайны.

прот. Василий Зеньковский

Глава 1

БУЛАВА С ОРЛИНОЙ ГОЛОВОЙ

Бояться зла не надо. Злее оно все равно уже не станет. Рассчитывать на его снисхождение нелепо. Трусов в бою убивают в первую очередь, потому что гораздо проще убить того, кто повернулся спиной, чем того, кто хоть как-то, но сражается. Даже если трус жалобно пищит «Я не играю!» — его не щадят: «Сейчас не играешь — потом начнешь!»

Книга Света

Новый Арбат не такой уж и новый. Равно как и рядом лежащий Старый Арбат не такой уж и старый. Некогда по Арбату скрипели восточные арбы, теперь же проносятся автомобили. Днем их поток сплошной, медленный. Ночью он ускоряется, но, и ускоряясь, не теряет непрерывности. Эпохи меняют декорации и костюмы, суть же всегда остается. Ключ к Арбатам — вечное движение.

Дмитрий Емец

Дождливым октябрьским вечером в районе Дома книги, где за сто с копейками лет до того гуляющий лакей покорял соседскую горничную резиновыми калошами и часами с цепочкой, вынырнул черный пес. Он был тощий, костистый, голодный. Двигался настороженно, держался в тени домов. Сделав крюк, подкрался к киоску-прицепу, торгующему хот-догами и курами-гриль, и затаился за колесом.

Пес лежал бесшумно и тихо, даже на прошедшую вдоль стены кошку не кинулся, а лишь недружелюбно оскалится, сожалея, что она не встретила ему в другое время. Несколько минут спустя подошел мужчина в свитере и купил курицу-гриль. Долго расплачивался, не спеша прятал бумажник.

Пес терпеливо ждал, созерцая сплетение ремешков на черных туфлях. И лишь когда бумажный пакет с курицей оказался у «свитера» в руках, из-за колеса взметнулась черная молния. В высоком прыжке зверь на миг поднялся на задние лапы. Ни рычания, ни лая. Пинок запоздал.

Минут пять Добряк отлеживался в кустах. Дожидался, пока прекратятся крики. Потом встал и неторопливо, как самая честная собака в мире, направился к подземному переходу.

Было уже поздно. Скрипач деловито считал вечернюю выручку. Пес остановился, внимательно слушая, как он пересыпает мелочь из банки. Звук напоминал смех красноносой старушки, которая

частенько заглядывала к ним в гости и ставила в углу закутанную брезентом и пахнущую страхом палку.

Воспоминание о страшной палке огорчило пса, и он зарычал сквозь курицу. Скрипач вскинул голову. У него было пухлое белое лицо с бровями, похожими на усы. Из-за этого оно казалось перевернутым вверх ногами.

— Работаешь? И я вот тружусь! — доверительно, как своему, сказал он псу.

Пес терпеливо дождался, пока труженик скрипки уйдет, и, нырнув в боковой проход, стал скрестись у двери с надписью «**Ответственный: Гормост**». Видимо, не в первый уже раз: краска с железной двери местами была содрана.

С другой стороны отодвинули засов. Пес увидел девушку в кожаных брюках и высоких ботинках. Скорее всего, она и являлась таинственной гражданкой Гормост. Пес дежурно вильнул хвостом и, протиснувшись между ногой и стеной, уронил курицу на пол.

— Ужин принесли! — сообщила кожаная Гормостиха в глубину комнаты.

— Странная у тебя собака, Варвара! Сама как скелет, а одна не ест. Что ни украдет — все тебе тащит, — отозвался ленивый голос.

— Моя школа... Вам оставить курицу? Или вы из собачьего рта брезгуете?

— Было время, мы с Улитой питались коровьи-

Дмитрий Емец

ми тушами из чумного скотомогильника, вымывая в реке трупный яд. По-другому не получалось: нас искали. — Арей не спешил покидать диван.

Ночами он лежал здесь и глазами, пьющими тьму, как мы пьем свет, смотрел в потолок, составленный из бетонных плит. Над его головой через неравные интервалы проносились машины. Когда машина была грузовой, лампочка вздрагивала.

О чем Арей думал, не знал никто. Очень часто и он сам. Для людей время вертикально. Сверху — настоящее, внизу, где-то довольно глубоко, — прошлое. Они никак не накладываются и существуют отдельно. Для Арея как для стража время было горизонтальным. Все истекшие и настоящие мгновения он держал в памяти с одинаковой ясностью — только будущее было скрыто.

Среди ночи Добряк, лежащий у дивана, принимался громко чесаться. Его задняя лапа непрерывно стучала по полу. Варвара называла это «заяц, играющий на барабане». Когда Добряк утихал, на столе начинал канючить и жаловаться умирающий телефон. Варвара вечно забывала его зарядить. Какое-то время Арей терпел, но заканчивалось все обычно тем, что мечник вставал и добивал аппарат кинжалом. С его точки зрения, это гуманнее, чем просто воткнуть в него провод.

Варвара уже громко ела ворованную курицу. Некоторое время спустя к ней присоединился и Арей. Не столько ради курицы, сколько ради того, чтобы

быть объединенным с Варварой общим делом. Обсасывая крылышко, он с любопытством поглядывал на Варвару.

— Что у тебя с мизинцем? — спросил он озабоченно.

— А чего у меня с мизинцем?

— Верхняя фаланга!

Варвара с интересом посмотрела на левую ладонь:

— А-а! Поняла: не гнется! Кстати, тот, что рядом, тоже не того...

— Ты что, только сейчас об этом узнала? — не поверил Арей.

— Ну почему? И раньше знала. Просто не зацкливаюсь!

— И давно это у тебя?

— Года два. Паренек один предложил на воротах постоять, а потом оказалось — мяч набит гравием. А я еще смотрю: как-то странно он его пинает. Ногу берег, собаккер!.. Ну шляпа я, короче! Так мне и надо!

Арей выдохнул в нос.

— Как мне его найти? — спросил он.

— Что, в футбол не с кем поиграть? — невинно удивилась Варвара. — Да не, нормальный парень! Мы с ним долго потом общались. Просто он... ну типа прикалывался.

Арей вскинул голову и быстро глянул в центр груди Варвары. Ему показалось, что, когда она на-

Дмитрий Емец

звала парня «нормальным», половина ее эйдоса слабо озарилась, на миг высветив контур темной половины. Арей замер, замороженный. Для него, стража, одного взгляда на эйдос было довольно, чтобы многое понять. Эйдос Варвары говорил ему больше, чем глаза, улыбка, слова. Эйдос не только душа человека, но и его флаг. А кто захватит флаг — тот победил и армию. Некоторым, правда, кажется, что это так, тряпочка. Отдай, но сохрани пушки, а флаг сошьешь новый, когда подвернется занавеска подходящего размера. Однако стражи Мрака и Света другого мнения.

Разбухший от эйдосов, но все равно голодный, дарх Арея шевельнулся, потянувшись к Варваре. Арей раздраженно дернул его за цепь, уже зная, что тот сейчас кольнет его болью.

— Прикалывался, говоришь? — переспросил он, морщась. — А что ты ему в первый момент сказала, когда поймала «мячик»?

Варвара усмехнулась. Шрам на ее правой щеке дернулся, продлевая рот. «Мой гуинпленчик», нежно называл ее Корнелий.

— Вначале много чего. А потом: «С тебя шоколадка!» Только он ее до сих пор отдает... У меня было веселое детство. Самое скромное воспоминание — как мы елкой перекидывались через морг.

— Через что?!

— Ну, я у больницы жила, когда меня в семью взяли. В больнице — одноэтажный морг. Берешь

лысую елку — и через крышу. А там другой деятель ловит — и обратно. Так и летает елочка.

Арей попытался себе это представить:

— А там «нормальные люди» что тебе сломали?

— Мне — ничего. Но один раз санитар в фартуке выскочил — и ко мне. А тут дубина через крышу летит. По высокой траектории, с запасом. Я ему ору: «Елка!», а он ухмыляется. Ну потом перестал, конечно.

— У тебя бывали счастливые моменты! — признал Арей.

— Только не когда мы на башенный кран залезли, а сторож овчарку выпустил. На всю ночь. Она внизу носится, психованная такая, а мы спуститься не можем... Декабрь, пальцы мерзнут за железки держаться. Тогда у меня еще Добряк не завелся. Он бы прикрыл.

Закончив есть курицу, Варвара присела на корточки и вытерла жирные руки о пса, уткнувшего морду ей в плечо. Осчастливленный Добряк, принявший это за ласку, попытался вымыть ей лицо мокрым языком и схлопотал средней силы боксерский апперкот.

— Захлопни копилку, болонка! На опыты сдам! — велела ему Варвара и добавила еще пару слов.

Нежность у Варвары была эпизодическая. Будь на месте Добряка песик поменьше, он месяцами не вылезал бы из-под кровати и даже до своей миски добирался бы короткими перебежками.

Дмитрий Емец

Арей засопел, медленно багровея.

— Опять этот Свет! — взглянув на него, опередила его Варвара.

Барон Мрака вздрогнул:

— Что ты сказала?

— А ничего! Вас передразнила! Стоит мне рот открыть, вы шипите: «Опять этот Свет!» Не нравлюсь? Пристрелите!

Арей угрюмо молчал. Варвара стояла напротив — прямая как стрела, воинственная, с высоко вскинутым подбородком, чем-то неуловимо похожая на самого Арея. И не важно, что он грузен, — сходство залегало глубже внешней формы и относилось скорее к содержанию.

— Я даже рта не открыл! — буркнул Арей, начиная злиться, что ему приходится оправдываться.

— А пыхтеть зачем?

— Пыхтеть?

— А то нет? Не понравилось, что я ругаюсь? Одеваюсь не так? Ботинки мужские? Купите мне белое платье и синий бантик!.. Черный, сгинь! Стань невидимкой!

Добряк заскулил и полез прятаться под диван. Однако протиснулись только передние лапы и голова. Добряк застрял.

Арей за заднюю лапу выдернул Добряка из-под дивана:

— Остынь, Варвара! Никто тебя не трогает!

Ощущая полную свою беспомощность и невоз-

возможность что-то объяснить или доказать, он грузно плюхнулся на диван. В прореху в носке проглянул большой палец с грубой кожей и желтоватым неровным ногтем. Впервые в жизни Арей ощущал, что не может решить проблему ударом меча, и это его сердило.

Варвара подошла к зеркалу, огромному, чуть выпуклому, висевшему до ремонта в конце платформы станции «Арбатская». Дотащить его Варвара смогла только с помощью Корнелия. Навьюченный Корнелий всю дорогу отказывался быть грубой мужской силой и ворчал.

Варвара стояла перед зеркалом и критически изучала свое отражение.

— Ну и рожа! Уродилась же в какую-то сволочь! — сказала она горько.

Арей повернулся так резко, что у дивана со звуком пистолетного выстрела треснула ножка. Варвара удивленно оглянулась. Мечник медленно поднялся. За его спиной заваливался диван.

— Ну что еще такое?

— ТЫ — ОЧЕНЬ — КРАСИВАЯ! — произнес Арей с угрозой.

Добряк заскулил и снова полез прятаться. Однако под сломанный диван протиснуться оказалось еще сложнее, и пес сумел просунуть только морду.

Приподняв брови, Варвара уставилась на Арея:

— А вам-то какая разница?